

Старик Сунь странно моргнул. Никто на него не смотрел? Показалось?

В 23:45 прозвенел будильник.

Все были готовы к выходу.

Улицы и дома были освещены, и только в тех местах, куда не доходил свет, снова появлялись клоуны.

Они выли в темных углах, их огромные маски заполняли темноту, вызывая мурашки по коже.

Поскольку у Шэнь Тинбэя оставалось всего три часа, Е Тао нес на спине старика Суня, и все бежали по городку.

Добравшись до кладбища на окраине, они увидели церковь, которая совершенно не вписывалась в общий стиль городка.

Церковь была маленькой, ее стены были выкрашены золотой краской, а на остром шпиле, казалось, были вставлены разноцветные камни. Из-за темноты и только искусственного освещения это было трудно разглядеть, но что-то на вершине действительно сверкало.

Внутри церкви не только горел свет, но и доносилось пение.

Остановившись у входа, все немного занервничали из-за все более отчетливого пения.

Е Тао поставил старика Суня на землю, обменялся взглядом с Шэнь Тинбэем, и они, попросив остальных подождать, первыми вошли в церковь.

Внутри церковь была ярко освещена. На огромном куполе были разноцветные витражи, а сладковатый запах горящих свечей заполнял зал.

Внутри стояли ряды покрашенных, но облупившихся красных деревянных скамеек, а на белых стенах горели свечи.

В зале никого не было, а пение доносилось из старого проигрывателя у алтаря, но голоса были настолько четкими, что звучали даже на пустых улицах за пределами церкви.

Все, кто стоял снаружи, вздрогнули, и даже всегда спокойная Ло И нахмурилась.

Осмотревшись, Шэнь Тинбэй сказал:

— Это не католическая церковь, и здесь нет явных черт готического или романского стиля. Не могу понять, какую религию она представляет, на стенах даже нет росписей...

Е Тао указал на маленькую дверь за алтарем:

— Посмотри туда.

На маленькой двери висела деревянная табличка с тремя позолоченными иероглифами: «Исповедальня».

Табличка раскачивалась от потока воздуха, и иероглифы «исповедь» почти сливались в одно пятно.

Они обменялись взглядом и позвали остальных.

Трое других вошли, осторожно ступая по этой странной, ни на что не похожей церкви.

Ли Линцин глубоко вдохнула и дрожащим голосом сказала:

— Здесь... здесь воздух такой сладкий. Я чувствую себя... очень хорошо.

Ее лицо стало более румяным, губы обрели цвет, и голос стал громче.

Не только она, но и старик Сунь, который до этого выглядел уставшим, теперь сиял, и его хромающая нога, казалось, больше не болела.

Ло И тоже кивнула:

— У меня был тендинит, и пальцы иногда болели. Но здесь я больше не чувствую боли.

Шэнь Тинбэй нахмурился и посмотрел на Е Тао, но тот покачал головой:

— Я ничего не чувствую. Там, где болело, все еще болит.

Шэнь Тинбэй сделал паузу:

— Где у тебя болит?

— Везде. — Е Тао сказал это так, словно шутил, и Шэнь Тинбэй на мгновение растерялся.

Е Тао усмехнулся и направился к маленькой двери за алтарем.

Шэнь Тинбэй, очнувшись, поспешил за ним.

Е Тао открыл дверь. Внутри было узко и тесно, стоял только один стул.

Шэнь Тинбэй, заглянув внутрь, удивился:

— Обычно там должно быть место для священника, разве нет?

Е Тао осмотрел комнату, убедившись, что там нет ловушек, и сказал:

— Похоже, тот, кто стоит за всем этим, считает себя богом. Он хочет, чтобы мы исповедовались перед ним.

— И, — добавил он, — файл на компьютере ясно показывает, что он знает о нас все. Так что, когда войдете, постарайтесь быть... искренними.

Все кивнули.

Е Тао посмотрел на Шэнь Тинбэя и сказал:

— Я пойду первым.

Хотя они уже проверили, что в комнате нет ничего опасного, в этом городке могло произойти что угодно, и первым войти было самым рискованным.

Но если они не попробуют сейчас, им придется провести здесь еще один день.

Шэнь Тинбэй на самом деле не беспокоился за Е Тао. Его дневное расследование показало, что в этом городке Е Тао, как и он, получил «карту хорошего человека».

Но он все же сделал вид, что задумался, и серьезно посмотрел на Е Тао:

— У тебя есть что-то, что ты хотел бы сделать, когда выберешься отсюда?

Шэнь Тинбэй хотел, чтобы Е Тао подумал о возможных последствиях и поделился своим «последним» желанием.

Но Е Тао, к удивлению, улыбнулся искренней улыбкой. Его суровые черты лица смягчились, и он выглядел теплее.

— Мне нечего оставлять. Нет родителей, нет прошлого, нет будущего.

Сказав это, он открыл дверь и уверенно вошел внутрь.

Шэнь Тинбэй смотрел на запертую дверь и почувствовал странную боль в сердце.

Он не мог объяснить эту боль.

Е Тао не в опасности. Шэнь Тинбэй несколько раз повторил это про себя, и странная боль немного утихла.

Пока Е Тао был внутри, Шэнь Тинбэй пристально посмотрел на остальных троих.

Ему нужно было найти недостающую информацию до того, как Е Тао выйдет!

В голове Шэнь Тинбэя мелькали события последних дней, словно слайды презентации, один за другим.

Ли Линцин — наркоманка, Ли Дун — убийца, Ли Юэ — сводница, Ло И — клеветница. Это их грехи.

А что насчет Сунь Юэцуня?

Шэнь Тинбэй вспомнил, что ранее, когда он был один в сторожке, он нашел кое-что.

Обнаружив, что его нет в файлах, он не только внимательно изучил данные Ли Юэ, но и ввел еще одно имя.

Когда на экране появился файл Ли Линцин, Шэнь Тинбэй с удивлением заметил, что он сильно отличался от файла Е Тао.

Хотя информации было меньше, чем в файлах Ли Дуна и Ли Юэ, там были все данные, которые Ли Линцин упоминала, и даже больше, включая информацию о том, у кого она покупала наркотики.

Он сразу понял, что в этом городке Е Тао тоже получил «карту хорошего человека», поэтому его данные были такими скудными.

Кроме того, его карточка отличалась от остальных.

Днем Шэнь Тинбэй заметил, что в правом верхнем углу была маленькая цифра «1».

Он быстро просмотрел файл, но, опасаясь, что данные Ли Линцин появились только потому, что она уже рассказала о себе, ввел имя Сунь Юэцюня.

Как и ожидалось, данные Сунь Юэцюня были так же подробны. Быстро просмотрев их, Шэнь Тинбэй открыл файл Ло И.

Он быстро собрал всю информацию, но чего-то все равно не хватало.

Если Е Тао не был частью этого круга, то недостающее звено...

Шэнь Тинбэй слегка улыбнулся, словно что-то понял, и медленно подошел к Сунь Юэцюню.

Он улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой и ласково спросил:

— Дедушка, когда мы выберемся отсюда, что ты хочешь сделать?

На лице Сунь Юэцюня не было ни тени напряжения, и он с улыбкой ответил:

— Обнять моего внука.

Шэнь Тинбэй спокойно продолжил:

— У дедушки уже есть внук?

Сунь Юэцюнь засмеялся:

— Да, здоровый малыш, ножки такие крепкие!

— Правда? — Шэнь Тинбэй пристально посмотрел на него, и его улыбка стала холодной. — Дедушка, а как зовут твоего сына?

Сунь Юэцюнь вдруг занервничал, засмеялся и с подозрением посмотрел на Шэнь Тинбэя.

— Зачем ты спрашиваешь?

Шэнь Тинбэй встал, холодно посмотрел на него и повернулся к Ло И.

— Как звали того учителя математики, на которого ты пожаловалась?

Ло И на мгновение задумалась:

— Цинь Жань.

— Ты смотрела файл Ли Юэ? — Шэнь Тинбэй стоял у алтаря, его спокойный голос смешивался с пением из старого проигрывателя, создавая ощущение, будто он говорил с богом.

<http://bllate.org/book/16305/1470663>